

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-88-97

«...ИЗМЕРИТЬ КРУГ ЗЕМНОЙ»: ОТРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ Ф. НИЦШЕ В ПОЭЗИИ Ю. БАЛТРУШАЙТИСА

Сауныкин П.С.

*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о влиянии трудов Ф. Ницше на поэтическое творчество символиста Ю. Балтрушайтиса. На основе анализа стихотворных книг Балтрушайтиса «Земные Ступени», «Горная Тропа», «Лилия и Серп» были установлены связи с некоторыми идеями Ницше, такими как мотив «вечного возвращения», пафос богоборчества, образ сверхчеловека. Дионисийское начало – музыка – проявляется в стихотворениях в образах стихий и предстаёт фоном для лирико-философских размышлений автора. Основной причиной обращения Балтрушайтиса к наследию немецкого мыслителя является биография поэта, коллизии которой совпадают с мотивами произведений Ницше.

Ключевые слова: русская поэзия, символизм, Ю. Балтрушайтис, ницшеанские мотивы в поэзии.

“...TO MEASURE THE CIRCLE OF THE EARTH”: THE REFLECTION F. NIETZSCHE’S PHILOSOPHICAL IDEAS IN J. BALTRUSHAITIS’S POETRY

P. Saunkin

*Yesenin Ryazan State University named
46, Svoboda St., Ryazan, Russian Federation, 390000*

Abstract. The article discusses the influence of Nietzsche’s works on the symbolist Baltrushaitis’s poems. On the basis of analysis of Baltrushaitis’s books “Earthly Steps”, “Mountain Trail” and “Lily and the Sickle” the connections were made with some Nietzsche’s ideas, such as an idea of eternal comeback, pathos of God rebellion, a superman’s image. Dionisey’s beginning – music – is displayed in poems and images of Nature’s elements and is a background for lyrics – author’s philosophical speculations. The main reason for Baltrushaitis’s approaching the heritage of the German thinker is the biography of the poet, conflicts of which had same motives as in the Nietzsche’s works.

Keywords: Russian poetry, symbolism, Jurgis Baltrushaitis, motives in poems by Nietzsche.

Влияние трудов Фридриха Ницше на творчество и мировоззрение русских писателей рубежа XIX-XX веков неоспоримо. Его имя встречается в теоретических и критических статьях, эпистолярном наследии, «влияние индивидуализма Ницше косвенно распространялось и через творчество А. Стриндберга, С. Пшибшевского, Г. д’Аннунцио» [11, с. 100]. Роль немецкого философа в духовных

исканиях современников наиболее ярко определил Андрей Белый: «Он – это мы в будущем, ещё не осознавшие себя» [9, с. 899].

Поэт-символист Юргис Балтрушайтис (1873-1944) познакомился с работами Ницше, по-видимому, в период учёбы в Московском университете в 1893-1898 годах. Интерес к наследию немецкого философа способствовал, по-видимому, знакомству и сближению с будущей супругой – Марией Оловянишниковой, о чём свидетельствует дневниковая запись Е. Дьяконовой от 30 января 1898 года, в которой сказано, что они оба «поклонники Ибсена, д'Аннунцио, Метерлинка, Ницше... Их точно создали все модные веяния конца века» [12, с. 229]. Однако сам литовец находил в трудах философа не столько новые идеи, сколько подтверждение собственных мыслей. В письме Джованни Папини от 25 июля 1905 года поэт пишет: «С шестого класса я ницшеанец. Или, быть может, был им» [7, с. 22]. Следует отметить, что увлечение личностью и философией Ницше выразилось не только в литературной деятельности Балтрушайтиса, но, возможно, и в его повседневной жизни. Так, описывая творческую встречу с супругами Мережковскими, Валерий Брюсов отмечал: «Зиночка (З. Гиппиус. – П. С.) говорила, что в «Мире Искусства» его зовут: «Also sprach Baltruschaitis». – Конечно, это она сама выдумала» [10, с. 129].

Поэтическое наследие Ю. Балтрушайтиса включает в себя всего три книги стихов: «Земные Ступени» (1911), «Горная Тропа» (1912), «Лилия и Серп» (1948), и в каждой из них широко использованы в виде аллюзий и

реминисценций мотивы и образы произведений Ф. Ницше. Уже в раннем рассказе поэта «Спутники» [10, с. 111; 8] появляется образ горизонта, «заколдованного круга», который обладает свойством перемещаться вместе с героями произведения. Проблема «круга земли» («Утренние песни», II) глубоко волновала Балтрушайтиса, помнившего, что *всё идёт, всё возвращается; вечно возвращается колесо бытия. Всё умирает, всё вновь расцветает, вечно бежит год бытия* [18, с. 158]. Круговорот жизни – основа бытия: *В цветке зерно, в зерне – опять расцвет* («Вся мысль моя – тоска по тайне звёздной...»). В стихотворении «TAEDEUM VITAE» автор созерцает окружающий мир, осознаёт предопределённость происходящих событий и явлений. Эмоциональный фон произведения, проникнутый ощущением безысходности земного существования, передаётся поэтом через двойное использование существительного с корнем «круг»: *Кругом всё тот же узкий кругозор...* (курсив мой. – П. С.) [«TAEDEUM VITAE», 3, с. 73].

Ограниченность мира поэт соотносит с ограниченностью человеческой души и человеческих возможностей, и в данной трактовке мотив «вечного возвращения» приобретает значение вечной повторяемости бытия, движения по замкнутому кругу:

*Божий мир для нас – как море...
Мы на тёмном берегу
Глухо плачем о просторе,
Кто на радость, кто на горе,
Каждый – в замкнутом кругу...*

[3, с. 95]

Но лирический герой Балтрушайтиса не намерен мириться с уготованной ему участью постороннего наблюдате-

ля. Он стремится преодолеть роковую предопределённость, вырваться из замкнутого пространства в бесконечность Вселенной:

*Я всё же с тайной грустью разделяю
Их вечный пир дневной
И алчный взор всё чаще устремляю
За круг земной...*
[1, с. 132]

Мотив «вечного возвращения» как вечного повторения уже пройденного пути присутствует не только во многих произведениях поэта («Карусель», «Круг вековечный» и т. д.), он косвенно повлиял и на структуру сборников. Четыре равные по количеству стихотворений части первой книги выстроены по принципу смены времён года: весна («Весенняя роса»), лето («Дымные дали»), осень («Сбор винограда») и зима («Белые вихри»). Вторая книга состоит из трёх разделов, каждый из которых включает в себе также одинаковое количество лирических произведений.

Ницшеанская концепция «вечного возвращения» включает в себя и представления о времени и вечности. Наиболее полно позиция философа нашла отражение в словах, вложенных им в уста зверей в беседе с Заратустрой:

Смотри, мы знаем, чему ты учишь: что все вещи вечно возвращаются и мы сами вместе с ними и что мы уже существовали бесконечное число раз и все вещи вместе с нами.

*Ты учишь, что существует великий год становления, чудовищно великий год: он должен, подобно **песочным часам** (курсив мой. – П. С.), вечно сызнова поворачиваться, чтобы течь сызнова и опять становиться пустым, –*

– так что все эти годы похожи сами на себя, в большом и малом, – так

что и мы сами, в каждый великий год, похожи сами на себя, в большом и малом [18, с. 160].

Образ «песочных часов», используемый Ницше в тексте приведённой выше цитаты, не случаен: он констатирует постоянство сменяющих друга друга повторений. Аналогично использует метафору «песочных часов» и Балтрушайтис, описывая цикличное движение времени, в котором, однако, отражается «вечная жизнь, вечное возвращение жизни» [17, с. 628]:

*Текут, текут песчинки
В угоду бытию,
Крестины и поминки
Вплетая в нить свою...*
[1, с. 63]

Поэт исходит из единства макрокосма и микрокосма, «большого и малого», подчинения их общему движению мира: *Подходит сумрак, в мире всё сливая, / Великое и малое, в одно...* [«Вечер», I, 3, с. 144].

С вопросом о соотносённости времени и вечности связан и выдвинутый Ницше постулат о «смерти Бога» [18, с. 8], констатирующий утрату морально-нравственных ценностей современного ему общества. Однако в лирических произведениях Балтрушайтиса образ Бога, в противовес Ницше, в качестве символа высшей истины не только присутствует, но и проживает жизнь от рождения до воскресения в соответствии с христианским учением о Сыне Божьем. В стихотворении «Вифлеемская звезда» Христос, «дитя судьбы», только родился, но ему уже предуготована миссия пробуждать в людях дремлющее в их сердцах чудо добра и милосердия. Атмосфера торжества победы жизни над смертью в «Пасхальном звоне» скрывает лик

Иисуса Христа за метафорическим образом «искры Божьей», сумевшей победить «тёмную волю». Таким образом, Балтрушайтис, в противоположность ницшеанскому учению, утверждает веру в человека, в возрождение нравственных начал.

Краеугольным камнем философских построений Ф. Ницше является учение о сверхчеловеке, озвученное устами Заратустры:

Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке!

Сверхчеловек – смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: да будет сверхчеловек смыслом земли!

Я заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах! [18, с. 8]

Балтрушайтис отвечает на эти строки рядом стихотворений («Поклонение земле» и др.). В стихотворении «Я видел надпись на скале...» поэт призывает верить земле, но констатирует, что человек, в конечном итоге, землёй обманут. Авторская позиция, на наш взгляд, заключается в понимании трагедии временного человеческого существования и, вместе с тем, в убеждённости поэта в существовании высшей истины, необходимости стремления к вечным идеалам. Поэт призывает избегать малодушия, принимать как неизбежность всю «горечь правды».

Своё представление о человеке Ницше определяет следующим образом: «Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью» [18, с. 9]. Данный мотив звучит у Балтрушайтиса в стихотворении-эпиграфе первой книги стихов «Земные Ступени» «Вся мысль моя – тоска по тайне звёздной...». Далее поэт, характеризуя свою жизнь,

жаждущую познания тайн бытия, восклицает: «Вся жизнь моя – стояние над бездной...». Об ощущении близости к познанию тайн мира Балтрушайтис делился с В.Я. Брюсовым, сообщая в письме от 15 июля 1901 года, что «не раз чувствовал знаменательное приближение, почти соседство с миром иным, мера соприкосновения с которым есть единственная мера нашей ценности и искать которого, должно быть, составляет наш единственный смысл» [6, с. 125].

Образ сверхчеловека, воспетого Заратустрой, прорисовывается в стихотворениях русского символиста постепенно, как бы в соответствии с тезисом, что «человек есть нечто, что должно превзойти...» [18, с. 27]. Образ лирического героя претерпевает эволюцию от одинокого человека, живущего посреди земной обыденности («Осенью», «На улице») через ипостась путника, устремлённого к горному миру («Восхождения», «Горная тропа») до рыцаря-пророка, «Витязя Тайной Дали» («Мой щит»). Подобная эволюция в общих чертах соответствует логике Ницше.

Тезис немецкого философа, что «жизнь есть воля к власти» [15, с. 381] получил отклик в поэзии Балтрушайтиса в мотиве стремления к личной свободе:

Качнулись последние стены!

Отныне неволя – простор,

Немое стремленье без смены

И к далям прикованный взор...

[3, с. 173]

В работах Ницше Балтрушайтиса мог привлечь и мотив молчания как знак мудрого достоинства всего сущего: «С достоинством умеют лес и скалы хранить молчание вместе с то-

бою» [18, с. 37] (о единении с природой), «Трудно жить с людьми, ибо так трудно хранить молчание» [18, с. 63] (о жизни в обществе), «Молчал и Заратустра; но взор его обращён был внутрь, как будто глядел он в глубокую даль» [18, с. 92] (о размышлении). О тишине как о естественном состоянии мира говорит и Балтрушайтис в своих стихотворениях: «Кругом весь день стояла тишина...» («Отчаяние»), «Тишь... Безмолвие лесное...» («В лесу») и т. д. Именно в этой молчаливой среде человек может усмирить свои страсти и почувствовать единение с окружающей его вселенной: «В тайный час тишины раскрываются сны / И смиряется сердце мятежное...» («Ночь»). Но человек, считает поэт, сам может создать себе условия для открытия новых горизонтов существования и понимания смысла вещей и явлений: «Ценнее речи – час без слов, / Где даже вздох неразличим... / Мир от него как будто нов – / И Рок так явственен за ним» («Ценнее речи – час без слов...»).

Одним из ключевых в произведениях немецкого философа является и мотив восхождения, воссозданный на фоне горных пейзажей, и связанный с ним мотив странничества: «И какова бы ни была моя судьба, то, что придётся мне пережить, – всегда будет в ней странствование и восхождение на горы: в конце концов мы переживаем только самих себя» [18, с. 108]. Идеей восхождения как обретения высшей истины пронизаны и произведения Балтрушайтиса («Путь к синеве», «Полдень» и т. д.). Путь к горной вершине представляется автору в образе ступеней, по которым человек должен подниматься с «алчным сердцем» («Ступени»), со стремлением к дости-

жению цели. Мотив странничества поэт развивает в двух направлениях: как путь человека по отмеренному его земной жизни временному отрезку («В пути») с неизбежными иллюзиями и суетой, и как путь человека к постижению тайн мироздания («Дорога»), который всегда труден.

Значительное место занимают в поэзии Балтрушайтиса ницшеанские мотивы торжества стихийных жизненных сил, гармонии, радости и любви:

Утверждали ли вы когда-либо радость? О друзья мои, тогда утверждали вы также и всякую скорбь. Всё сцеплено, всё спутано, всё влюблено одно в другое, –

– хотели ли вы когда-либо дважды пережить мгновение, говорили ли вы когда-нибудь: «Ты нравишься мне, счастье! миг! мгновенье!» Так хотели вы, чтобы всё вернулось!

– всё сызнава, всё вечно, всё сцеплено, всё спутано, всё влюблено одно в другое, о, так любили вы мир, –

– вы, вечные, любите его вечно и во все времена; и говорите также! скорби: *сгинь, но вернись назад! А радость рвётся – в отчий дом!* [18, с. 234].

Вторя этим мыслям, Балтрушайтис признаётся: «Нам жизнь во всём, где вспыхнул свет...» [«LA GAJA SCIENZA», II, 3, с. 32]. Жизнерадостной мощью мистерии природы проникнута оратория «Славься, утро». Солнце, выступающее объектом поклонения и рождающее чудо дня – победу света над тьмой, не называется своим именем, являясь табуированным для автора. Поэт обращается к светилу с помощью местоимения «ты», обильно используя изобразительно-выразительные средства: эпитеты, ме-

тафоры («жемчужно-золотое», «факел огнецветный» и т. д.).

Балтрушайтис увлечён властью стихий, подчиняясь первородной силе *ветра*: «Мчится в поле вихрь мятежный, / Воет, мечется, поёт, / Обвеяв мир безбрежный, Веять жить не устаёт...» («Ветер»), *воды*: «Темнеет и блещет, / Кидает, крушит, / И парус трепещет, / И мачта дрожит...» («Морская зыбь»), *земли*: «Нарядно выстлав дол, взбегая на холмы, / Красуйся, шелести, зелёный океан!» («Нарядно выстлав дол, взбегая на холмы...»).

В звуках стихии раскрывается важнейшее начало жизни – музыка. Вячеслав Иванов писал: «Кто впервые услышит стихи Юргиса Балтрушайтиса, если он не вовсе глух к лирической гармонии, испытает смутное вначале, но необычно завладевающее душою волнение. Словно из-за развесистых старых деревьев, – наполовину заглушённая серою толщею церковных стен, – зазвучала органная fuga» [13, с. 87]. Данное высказывание теоретика русского символизма соответствует мнению Ф. Ницше о музыке, и не только дионисийской, которое заключает в себе «потрясающее могущество тона, единообразный поток мелоса и ни с чем не сравнимый мир гармонии» [16, с. 65]. В поэзии Балтрушайтиса слышны и естественные звуки природы: шум прибоя («Прибой»), журчание горного ручья («Горный ручей»), вой ветра («Ветер»), крик коршуна («Коршун»), стук человеческого сердца («Сердце») и звуки колокола («Пасхальный звон», «Колокол»), альпийского рожка («Альпийский пастух»), охотничьего рога («Охота»). В стихотворении «Вечерняя свирель» монументальное художественное полотно заката солнца, окон-

чания дня является величественным фоном для размышлений лирического героя о собственном существовании на земле. Гармония и мелодичность лирики приближает звучание философских дум автора к музыкальной стихии, осознаваемой как первородная стихия самой жизни: «Есть среди грёз одиноких одна, / Больше всех на земле одинокая... / Есть среди стран заповедных страна, / Больше всех для стремленья далёкая...» [«Песня», 3, с. 83].

По Ницше, «музыка есть подлинная идея мира» [16, с. 143], заставляющая «видеть больше и глубже, чем мы обычно видим» [там же]. Именно поэтому, на наш взгляд, Балтрушайтис, тонко чувствовавший звуки жизни, использует для названия своих стихотворений музыкальные термины: «аккорды» (5 произведений) и «песня» (20). В каждом из них поэт погружается в размышления о тайнах мира и человеческого бытия:

*Как раздумье в сердце мирном,
В светлом море вал встаёт,—
О великом, о всемирном
Доле будничной поёт...*
[3, с. 30]

Близко поэту и ницшеанское понимание творчества как духовной жертвы: *Из всего написанного люблю я только то, что пишется своей кровью. Пиши кровью – и ты узнаешь, что кровь есть дух* [18, с. 28]. В теоретической статье «Жертвенное искусство» Балтрушайтис провозглашает искусство-жертву как высшую ступень выражения Духа, служащую «чуду нашего преображения» [2, с. 221-222]. К этому призывает он и в своих стихах: *Тёмной и алчной земле / В жертву себя принеси!* [«Молкнувший вечер во мгле...», 4, с. 148].

Один из ярких ницшеанских образов – образ тревожного, предвещающего колокола: «полночная лира, звук колокола, которого никто не понимает, но который должен говорить перед глухими, о высшие люди! Ибо вы не понимаете меня!» [18, с. 233]. Чувство приближающегося Апокалипсиса, усиление эсхатологических настроений преобладало среди философов и творческой элиты на рубеже XIX-XX веков. Лирический герой Балтрушайтиса воспринимает глухой звук колокола как надвигающуюся угрозу утраты людьми веры, низвержения идеалов: колокол поэта *зычно и скорбно, удар за ударом, / Тщетно о Боге гудел...* [«Колокол», 3, с. 172].

Итак, в творчестве Балтрушайтиса влияние трудов Ф. Ницше выражено в использовании широкого спектра мотивов и образов. Вместе с тем, вера Балтрушайтиса в человека указывает на преобладание в его мировоззрении в большей степени позитивистских, чем индивидуалистских взглядов. При этом одной из причин увлечения Балтрушайтиса духовным наследием Ницше можно считать не только творческие, но и биографические реалии его жизни. Например, затронутые Ницше мотивы одиночества и отчуждённости от родины: *Сердцу твоему закрыто уже пристанище, где ему было что находить и нечего искать...* [14, с. 629], *О, одиночество! Ты, отчизна моя, одиночество! Слишком долго жил я диким на дикой чужбине, чтобы не возвратиться со слезами к тебе!* [18, с. 131]. Известно, что Балтрушайтис покинул родной край в 1893 году, по-

ступив в Московский университет, и до назначения его в 1920 году руководителем специальной миссией Литвы в РСФСР бывал на родине очень редко [11, с. 15-81]. В письме А. Дьяконову от 11 февраля 1907 года он сурово замечает: *Сознанием своим я как-то совсем один* [5, с. 92]. *Среди людей я – среди чужих...*, – подтверждает поэт эти мысли в стихотворении «Одиночество». В «Трещине» лирический герой, заточённый в тюрьму, оплакивает свою прошлую жизнь, вспоминая «даль родных полей» и «синеву родных небес». Тягостных «немых видений рой» становится невыносимым, и узник просит закрыть трещину в стене темницы, чтобы прекратить свои страдания. В другом произведении – «Отчизна» – Балтрушайтис с глубокой тоской сообщает: «Я родился в далёкой стране, / Чьё приволье не знает теней...». Автор горестно переживает разлуку с отчим краем, продолжая взывать «о дали родной» и сетуя на свою бесприютность. Таким образом, можно сделать вывод, что философия Ницше дала поэту необходимый выход сдерживаемым чувствам и настроениям, стала средством, организующим его духовно-творческую силу и волю.

В критическом очерке о немецком мыслителе современник Балтрушайтиса Е.Н. Трубецкой высказал мысль о том, что Ф. Ницше сделал попытку разгадать «тайны современного человека» [19, с. 159]. К той же творческой цели стремился, в чём-то соглашаясь или не соглашаясь со своим кумиром, и Ю. Балтрушайтис.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балтрушайтис Ю. Горная Тропа. Вторая книга стихов. М.: Скорпион, 1912. 168 с.
2. Балтрушайтис Ю. Жертвенное искусство // Мысль и слово. Философский ежегодник / под ред. Г. Шпета. Т. II, Вып. 1. М.: Кн-во С.И. Сахарова, 1918-1921. С. 219-224.
3. Балтрушайтис Ю. Земные Ступени. Элегии, песни, поэмы. Первая книга стихов. М.: Скорпион, 1911. 228 с.
4. Балтрушайтис Ю. Лилия и Серп. Третья книга стихов. Paris: YMCA-Press, 1948. 228 с.
5. Балтрушайтис Ю. Письмо А. Дьяконову от 11.02.1907. // Дауётите В. Юргис Балтрушайтис: монографический очерк. Вильнюс: Vaga, 1983. 326 с.
6. Балтрушайтис Ю. Письмо В. Брюсову от 15.07.1901. // Дауётите В. Юргис Балтрушайтис: монографический очерк. Вильнюс: Vaga, 1983. 326 с.
7. Балтрушайтис Ю. Письмо Дж. Папини от 25.07.1905. // Мержвинските Б.А. Юргис Балтрушайтис и русский символизм: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1983. 174 с.
8. Балтрушайтис Ю. Спутники // Весы. 1906. № 12. С. 21-33.
9. Белый А. Фридрих Ницше // Ницше: pro et contra : антология; сост., вступ. ст., примеч. и библиогр. Ю. В. Синеокой. СПб.: РХГИ, 2001. С. 898-923.
10. Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма / сост., вступ. ст. Е.В. Ивановой. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звёздный мир, 2002. 415 с.
11. Дауётите В. Юргис Балтрушайтис: монографический очерк. Вильнюс: Vaga, 1983. 326 с.
12. Дьяконова Е. Дневник русской женщины. М.: Захаров, 2004. 480 с.
13. Иванов Вяч. Юргис Балтрушайтис как лирический поэт // Русская литература XX века (1890-1910): в 2 кн. / Под ред. проф. С.А. Венгерова. Кн. 2. М.: ИД «XXI век-Согласие», 2000. С. 87-96.
14. Ницше Ф. Весёлая наука // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьяна; пер. с нем. М.: Мысль, 1996. С. 491-719.
15. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2 / сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьяна; пер. с нем. М.: Мысль, 1996. С. 238-406.
16. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьяна; пер. с нем. М.: Мысль, 1996. С. 57-157.
17. Ницше Ф. Сумерки идиолов, или как философствуют молотом // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2 / сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьяна; пер. с нем. М.: Мысль, 1996. С. 556-630.
18. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2 / сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьяна; пер. с нем. М.: Мысль, 1996. С. 5-237.
19. Трубецкой Е.Н. Философия Ницше: критический очерк. М.: Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1904. [4], 159 с.

REFERENCES

1. Baltrushaitis YU. Gornaya Tropa. Vtoraya kniga stikhov [The Mountain Trail. The second book of poems]. M., Skorpion, 1912. 168 p.
2. Baltrushaitis YU. Zhertvennoe iskusstvo [The sacrificial art] // Mysl' i slovo. Filosofskii ezhegodnik. T. II. [The thought and the word. Philosophical Yearbook. Vol. II.]. Iss. 1. M., Kn-vo S.I. Sakharova, 1918-1921. pp. 219-224.
3. Baltrushaitis YU. Zemnye Stupeni. Elegii, pesni, poemy. Pervaya kniga stikhov [The Earthly Stage. Elegies, songs, poems. The first book of poems]. M., Skorpion, 1911. 228 p.

4. Baltrushaitis YU. Liliya i Serp. Treťya kniga stikhov [Lily and the Sick. The third book of poems]. Paris, YMCA-Press, 1948. 228 p.
5. Baltrushaitis YU. Pis'mo A.D'yakonovu ot 11.02.1907 [Letter to A. Dyakonov of 11.02.1907] // Dautite V. Yurgis Baltrushaitis: monograficheskiy ocherk [Dautite V. Jurgis Baltrusaitis: monographic essay]. Vilnius, Vaga, 1983. 326 p.
6. Baltrushaitis YU. Pis'mo V. Bryusovu ot 15.07.1901 [Letter to V. Brusov of 15.07.1901] // Dautite V. Yurgis Baltrushaitis: monograficheskiy ocherk [Dautite V. Jurgi, Baltrusaitis: monographic essay]. Vilnius, Vaga, 1983. 326 p.
7. Baltrushaitis YU. Pis'mo Dzh. Papini ot 25.07.1905 [Letter of John Papini of 25.07.1905] // Merzhvinskite B.A. Yurgis Baltrushaitis i russkii simvolizm: dis. ... kand. filol. nauk [Merzhvinskiy B. Jurgis Baltrushaitis and Russian symbolism: candidate of Philological Sciences thesis]. M., 1983. 174 p.
8. Baltrushaitis YU. Sputniki [Satellites] // Vesiy [Scales]. 1906. no. 12. pp. 21-33.
9. Belyi A. Fridrikh Nitsse [Friedrich Nietzsche] Nitsse: pro et contra : antologiya [Nietzsche: pro et contra: anthology] / Comp., introd. article, note. and REFs. by Yu.V.Sineokaya. SPb., RKHGI, 2001. pp. 898-923.
10. Bryusov V.YA. Dnevnik. Avtobiograficheskaya proza. Pis'ma [Diaries. Autobiographical prose. Letters]. M., OLMA-PRESS Zvezdnyi mir, 2002. 415 p.
11. Dautite V. Yurgis Baltrushaitis: monograficheskiy ocherk [Jurgis Baltrusaitis: monographic essay]. Vilnius, Vaga, 1983. 326 p.
12. D'yakonova E. Dnevnik russkoi zhenshchiny [The diary of a Russian woman]. M., Zakharov, 2004. 480 p.
13. Ivanov Vyach. Yurgis Baltrushaitis kak liricheskii poet [Ivanov. Jurgis Baltrusaitis as a lyrical poet] // Russkaya literatura XX veka (1890-1910): v 2 kn. [Russian literature of 20th century (1890-1910): in 2 books] / Ed. by professor S. A. Vengerov. Book 2. M., ID «XXI vek-Soglasie», 2000. pp. 87-96.
14. Nitsse F. Veselaya nauka [Jolly science] // Nitsse F. Sochineniya v 2 t. T. 1 [Nietzsche F. Works in 2 vols. Vol. 1] / Comp. ed. and ed. note. by K.A. Svasyan; translated from German. M., Mysl', 1996. pp. 491-719.
15. Nitsse F. Po tu storonu dobra i zla. Preludiya k filosofii budushchego [Beyond good and evil. Prelude to future] // Nitsse F. Sochineniya v 2 t. T. 2 [Nietzsche, F. Works in 2 vols. Vol. 2] / Comp. ed. and ed. note. by K.A. Svasyan; translated from German. M., Mysl', 1996. pp. 238-406.
16. Nitsse F. Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki [The birth of tragedy from spirit of music] // Nitsse F. Sochineniya v 2 t. T. 1 [Nietzsche, F. Works in 2 vols. Vol. 1] / Comp. ed. and ed. note. by K.A. Svasyan; translated from German. M., Mysl', 1996. pp. 57-157
17. Nitsse F. Sumerki idolov, ili kak filosofstvuyut molotom [Twilight of the idols or how to philosophize with the hammer] // Nitsse F. Sochineniya v 2 t. T. 2 [Nietzsche, F. Works in 2 vol. Vols. 2] / Comp. ed. and ed. note. by K.A. Svasyan; translated from German. M., Mysl', 1996. pp. 556-630.
18. Nitsse F. Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo [Thus spoke Zarathustra. A book for everyone and no one] // Nitsse F. Sochineniya v 2 t. T. 2 [Nietzsche, F. Works in 2 vols. Vol. 2] / Comp. ed. and ed. note. by K.A. Svasyan; translated from German. M., Mysl', 1996. pp. 5-237.
19. Trubetskoi E. N. Filosofiya Nitsse: kriticheskii ocherk [The philosophy of Nietzsche: a critical essay]. M., Tipolitogr. t-va I. N. Kushnerev i K°, 1904. 159 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сауныкин Павел Сергеевич – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры литературы Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина;
e-mail: peshmerga@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel Saunkin – applicant for degree of candidate of Philological Sciences at the department of literature of Yesenin Ryazan State University;
e-mail: peshmerga@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Сауныкин П.С. «...Измерить круг земной»: отражение философских идей Ф. Ницше в поэзии Ю. Балтрушайтиса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 88-97.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-88-97

CORRECT REFERENCE

P. Saunkin. "...To measure the circle of the Earth": reflection F. Nietzsche's philosophical ideas in J. Baltrushaitis's poetry // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017. no. 1. pp. 88-97.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-88-97